

Литература

1. *Bilatera l Relations Of The Holy See* [Electronic resource] URL: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/documents/rc_seg-st_20010123_holy-see-relations_en.html (Accessed: 08.06.2014).
2. Дьяченко С.В. Особенности международной правосубъектности Святого престола: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – М., 2008.
3. Кодекс канонического права. – М., 2007.
4. Латеранские соглашения: Договор Святого Престола и Италии (11 февраля 1929 г.) [Электронный ресурс] URL: http://vaticancitystate.ru/lateranskie_soglascheniya__dogovor_svyatogo_prestola_i_italii_-11-fevralya_1929_g-.html (Дата обращения: 4.06.2014).
5. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М., 2005.
6. Лычковский П.Ю. Суверенитет и международная правосубъектность Святого Престола // Журнал международного права и международных отношений. – 2011. – № 3.
7. Монсиньор Иван Юркович, Советник Представительства Святого Престола в Российской Федерации. Святой Престол и международное сообщество [Электронный ресурс] URL: <http://www.katolik.ru/tserkov-i-obshchestvo/item/1562-svjatoj-prestol-i-mezhdun.html> (Дата обращения: 14.06.2014).
8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 58/314. Участие Святейшего Престола в работе Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс] URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/514/72/PDF/N0351472.pdf?OpenElement> (Дата обращения: 20.06.2014).
9. Святой Престол и Россия [Электронный ресурс] URL: http://www.nuntius.ru/nuncio.files/prestol_ross_rus.htm (Дата обращения: 12.06.2014).

УДК 94 (498)

А. С. Стыкалин

К ИСТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ОЦЕНОК ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЙ 1956 Г.

В центре внимания статьи – процесс пересмотра руководством КПСС и СССР прежних оценок венгерского восстания 1956 г. и советской акции по ее подавлению, происходивший в конце 1980-х го-

дов, в условиях распада социалистической системы.

Ключевые слова: Венгрия, события 1956 г., Горбачев, Восточная Европа, 1989 г.

A. S. Stykalin

THE EVOLUTION OF THE OFFICIAL SOVIET VIEW ON THE HUNGARIAN EVENTS OF 1956

The author concentrates on the evolution of the Soviet official view on the Hungarian events of 1956 in the years of Gorbachev's "perestroika" in connection with the crash of Communism in Central-Eastern Europe.

Key words: Hungary, Hungarian events of 1956, Gorbachev, Eastern-Central Europe of 1989.

Первым советским официальным документом, в котором содержалась оценка драматических венгерских событий осени 1956 г., была принятая 30 октября, через неделю после начала мощного восстания

в Будапеште, и опубликованная на следующий день в «Правде» Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским

Союзом и другими социалистическими государствами. В ней говорилось о том, что силы реакции и контрреволюции быстро присоединились к справедливому движению рабочих с целью использовать их недовольство для подрыва основ народно-демократической системы в Венгрии и для восстановления власти помещиков и капиталистов. Более развернутая оценка была дана в выступлении министра иностранных дел СССР Д. Т. Шепилова на пленарном заседании Генассамблеи ООН 19 ноября: «Действия народных масс, выступивших 23 октября против тяжелых ошибок и извращений, допущенных прежним руководством Венгрии, были совершенно законными. Вскоре, однако, это здоровое движение попытались использовать в своих целях реакционные фашистские элементы, которые стремились подорвать народно-демократический строй и свергнуть его. Уже 23 октября, когда в Будапеште проходила демонстрация, в которой приняло участие немало трудящихся, воодушевленных хорошими побуждениями, руководители контрреволюционного подполья вывели на улицы заранее сколоченные вооруженные группы. Они спровоцировали в Будапеште массовые беспорядки, переросшие затем в мятеж антинародных сил», сделавший неотложной задачу по оказанию братской Венгрии интернациональной помощи, дабы предотвратить установление фашистского режима⁴. Версия о том, что к изначально мирному, здоровому движению примазались поощряемые извне контрреволюционеры, нашла отражение и в публицистике конца 1956 – начала 1957 гг. Правительство И. Надь обвинялось прежде всего в слабости, сам Надь в уступчивости и оппортунизме, но никак не в предательстве социализма, большой акцент делался на критике прежнего руководства, команды Ракоши [2; 3]. Однако в течение считанных недель такая оценка была откорректирована; в пропагандистских брошюрах, напи-

санных выезжавшими в Венгрию журналистами, события все чаще трактовались как контрреволюция с самого начала, а Надь обвинялся в сознательном предательстве [4; 5]. Некоторые из изданий представляли собой тенденциозно выполненные подборки материалов, призванные проиллюстрировать априорно заданный тезис о контрреволюционном характере событий и реальной фашистской угрозе [6]⁵.

Первые публикации в научных и изданиях, в частности, исторических журналах, относятся к концу 1957 г. Подготовлены они были в духе программных документов своего времени и едва ли не в первую очередь выступления Н.С. Хрущева на встрече с писателями в мае 1957 г., где делался акцент на роли творческой интеллигенции в идейной подготовке венгерской «контрреволюции» и давались соответствующие предупреждения советским литераторам [10]⁶. В соответствии с заказом партийно-идеологических инстанций авторы статей стремились выявить и показать взаимосвязь между «ревизионистским наступлением» весны-лета 1956 г. (Кружок Петефи и т. д.) и последующей «контрреволюцией» [12]⁷.

Версия о «контрреволюционном путче», организованном прежними эксплуататорскими классами при активном участии международного империализма, а также

4 Оценка венгерских событий содержалась также в письмах советского правительства лидерам западных держав в связи с Суэцким кризисом. См., в частности: [1. 16. 11. 1956]

5 К этой же категории относились и переводные издания, авторы которых (в том числе посещавшие Венгрию журналисты из социалистических стран либо западной коммунистической печати) трактовали события в духе советской официальной версии [7; 8; 9].

6 Первый секретарь ЦК КПСС сделал принципиально важное (по сути дела программное) заявление о том, что в новых условиях борьба с культом личности «является для нас уже пройденным этапом», в свете опыта венгерских событий более актуальной становится борьба с ревизионизмом. Вспоминая годы юности, оратор поведал об опасности детской игры со спичками – игры, в результате которой возникали пожары, и между прочим предупредил слушателей, что у властей есть способы борьбы как с пожарами, так и с опасными играми в спички. В среде творческой интеллигенции, до тех пор питавшей некоторые иллюзии в отношении позиции Хрущева, откликнулись незамедлительно. «Пахло арестами, тем более что Хрущев в своей речи сказал, что мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов», – вспоминал писатель В. Каверин [11, с. 375].

7 Та же тенденция отличала переводные работы венгерских авторов, в том числе члена Политбюро ВСРП, одного из идеологов партии Д. Немеша: [13].

о братской интернациональной помощи Венгрии со стороны Советского Союза, занимала монопольное положение в научных работах, изданных по этой теме в СССР, на протяжении трех десятилетий [14; 15]⁸. Конечно, помимо официальной, в СССР существовали и иные точки зрения [18, с.173; 19; 20]⁹. Их придерживались не только участники диссидентского движения, на зарождение которого повлияли и венгерские события [22, 23], но и некоторые профессиональные историки. Один из них, ленинградец В. М. Алексеев, в своей работе на основе крайне ограниченного круга доступной ему литературы попытался выявить причины венгерского восстания, его движущие силы и историческое значение. Завершенное в 1980-е годы исследование, достаточно аргументированно опровергавшее официальную версию «контрреволюции», было опубликовано только в 1996 г. [24].

С приходом в 1985 г. к руководству КПСС М. С. Горбачева и его команды в Кремле и на Старой площади постепенно намечается более критическое отношение к советской политике в условиях венгерского кризиса 1956 г., ее методам, возникают сомнения в эффективности и результативности силового подхода с точки зрения долгосрочных интересов СССР и мирового коммунистического движения. Сам Горбачев 3 июля 1986 г. на заседании Политбюро говорил, по свидетельству его помощника А. С. Черняева, о том, что методы, примененные в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., в новых условиях неприемлемы [25, с. 61]. Москва постепенно отказывалась от функции «верховного арбитра», несущего всю ответственность за судьбы лагеря и обладающего правом по своему усмотрению решать, что является истинным социализмом, а что подлежит отлучению и наказанию. Однако опережать лидеров социалистических стран в переоценке событий, происходивших в са-

мих этих странах, в Москве, конечно же, не собирались. Осенью 1986 г., в год 30-летия «будапештской осени», в советской научной периодике, как и в венгерской, однозначно доминировала концепция контрреволюции, переводится на русский язык книга Я. Береца «Крах операции «Фокус»: контрреволюция пером и оружием»¹⁰. В условиях только что начавшейся перестройки охранительная позиция советской печати комментировалась на Западе как свидетельство нежелания официальной Москвы идти на концептуальный пересмотр своей внешней политики. Особенно много об этом писала русская эмигрантская пресса, отметившая 30-летний юбилей венгерской революции большим числом публикаций, в том числе спецвыпусками журналов «Страна и мир» (Мюнхен), «Проблемы Восточной Европы» (Нью-Йорк, позже издавался в Вашингтоне). Некоторый шаг вперед в осознании советской читающей публикой неоднозначности венгерских событий был ознаменован публикацией в 1988 г. в сокращенной версии книги Л. Дюрко – продукта переходного этапа в венгерской историографии второй половины 1980-х годов [29].

В начале 1989 г. в Москве не могли не отреагировать на знаменитое радиовыступление одного из лидеров ВСРП И. Пожгаи, с которого началось изменение официальной венгерской трактовки событий 1956 г. как контрреволюции. Посольство СССР в Будапеште направило в конце января в МИД три телеграммы по этому вопросу, которые незамедлительно были пересланы в ЦК КПСС. Помощник Горбачева А. С. Черняев в письме своему шефу от 1 февраля выразил мнение, что «надо поручить готовить

8 Та же точка зрения нашла отражение и в синтетических трудах по истории внешней политики СССР, а также по всемирной истории. См.: [16, с. 266–269; 17; с. 53, 90, 91].

9 О широком спектре отношения советского общества (в том числе интеллигенции) к венгерским событиям см.: [21].

10 Версия об активном участии в событиях вооруженных банд, засланных с Запада, нашла отражение и в синтетических трудах второй половины 1980-х годов по истории международных отношений [26, с.2 45, 246]. Особенно усиленно она тиражировалась в политико-пропагандистской литературе [См., например: 27, с. 368, 371]. Во всех этих работах необходимость советского военного вмешательства пытались доказать с позиций защиты не просто социализма, а той его модели, которая сложилась в Венгрии 1950-х годов. Но это вступало в противоречие с трактовкой самим М.С. Горбачевым истоков трудностей, возникавших в ходе социалистического строительства в странах Восточной Европы [См.: 28, с. 168].

нашу позицию по 1956 году», однако делать это без суеты [30]¹¹.

К лету 1989 г. группа экспертов международного отдела ЦК КПСС во главе с заместителем заведующего отделом В. Л. Мусатовым, ознакомившись с некоторыми прежде закрытыми архивными материалами, подготовила рабочий документ, в котором впервые была предпринята попытка взглянуть по-новому на октябрьские события 1956 г. в Венгрии¹². Необходимо при этом иметь в виду существование целого ряда факторов, препятствовавших радикальной переоценке. Во-первых, большое количество человеческих жертв вследствие событий осени 1956 г., причем среди них были и сотни советских военнослужащих¹³. Во-вторых, хотелось по возможности избежать осуждения Я. Кадара и его соратников, которые в сложной обстановке начала ноября 1956 г. смогли удержать страну

в Организации Варшавского договора, а на протяжении трех последующих десятилетий последовательно выступали за стабильные и дружественные советско-венгерские отношения (такая установка в отношении Кадара и его роли продолжала сохраняться и после его кончины в июле 1989 г.).

Как бы там ни было, характеристика событий как контрреволюции была признана упрощенной; оставить в силе эту оценку означало бы оправдание беззаконий, вершившихся в Венгрии в годы правления Ракоши. Обращалось внимание и на то, что большинство участников массового движения стояло на платформе социализма, выступая прежде всего против сталинских «искажений». В то же время участие в событиях экстремистов, вершивших насилие на улицах Будапешта и других городов и отнюдь не преследовавших цели «улучшения социализма», не позволяло однозначно говорить о справедливом характере «народного восстания»; в последние дни октября суть происходившего в немалой мере определяли именно террористические акции (в том числе кровавая расправа над безоружными людьми около здания будапештского горкома 30 октября). В сложившейся острой ситуации советскому руководству, как отмечалось в документе, не удалось избежать вмешательства в венгерские дела, что означало нарушение суверенитета страны. Вместе с тем, со стороны СССР отнюдь не ставилось целью восстановить в Венгрии власть команды Ракоши, полностью скомпрометировавшей себя. Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами была названа документом, свидетельствующим о поисках политических путей разрешения кризиса. В то же время в условиях суэцкого конфликта и обострения холодной войны Советский Союз должен был реально считаться с нежелательной перспективой утраты Венгрии как своего союзника и это не могло не повлиять на выбор окончательного решения,

11 Необходимо иметь в виду, писал А.С. Черняев: «даже если Грос (К. Грос, сменивший в мае 1988 г. Я. Кадара на посту первого секретаря ЦК ВСРП – А.С.) согласится с нашей оценкой, он не сможет ее реализовать, потому что вряд ли уже владеет идейно-политической ситуацией. Тем самым мы и его, и себя поставим в неловкое положение». Начавшаяся переоценка событий «будапештской осени» (принявшая к весне просто «обвальный» характер) была воспринята как один из важных симптомов продолжающейся сдачи позиций ВСРП, что, конечно, не могло радовать руководство КПСС. Тем не менее, делался вывод о необходимости устраниваться от вмешательства в идейно-политическую борьбу, которая разыгралась в Венгрии вокруг вопроса о характере октябрьских событий. «1956 год для венгров сейчас – частность, хотя и в контексте угрозы общего развала в стране. И мы будем выглядеть не очень солидно, если в такой момент на высшем уровне «проявим беспокойство» лишь по этому конкретному пункту, затрагивающему наше прошлое», продолжал Черняев. По его мнению, надо «стараться удерживать проблему 1956 года на уровне научного спора, не допускать превращения ее в политическую полемику с кем бы то ни было (как, впрочем, и с нашим 1939 годом)» [30]. Параллели с 1939 г. были закономерны, поскольку в свете предстоящего 50-летия начала Второй мировой войны в прибалтийских республиках СССР все более активно поднимался вопрос о переоценке советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Причем вопрос этот ставился в плоскость актуальной политики, связывался с признанием нелегитимности ввода советских войск в Прибалтику летом 1940 г.

12 В обсуждении документа в процессе его разработки принимали участие и ведущие специалисты-унгаристы из академических институтов (Т.М. Исламов и др.).

13 По этой причине экспертам аппарата ЦК КПСС, по признанию В.Л. Мусатова, было куда проще пойти на кардинальную переоценку советских действий в Чехословакии в августе 1968 г. [См.: 31].

согласованного с другими партиями, включая КПК и СКЮ [31]¹⁴.

Новый взгляд на события осени 1956 г. в Венгрии нашел отражение и в печати. На страницах журнала «Новое время» были предприняты осторожные попытки, отказавшись от ярлыков и жестких формулировок, скорректировать привычный односторонний подход таким образом, чтобы не создавалось впечатление радикальной переоценки; акцент делался на неоднозначности происходившего [32, 33]. Та же позиция, хотя и в меньшей мере, проявилась и на заключительном этапе работы над соответствующими главами большого синтетического труда – «Краткой истории Венгрии с древнейших времен до наших дней»¹⁵. Однако в некоторых публикациях 1989–1990 гг. продолжал по инерции господствовать прежний, однозначно «контрреволюционный» подход, это касалось и мемуаров генерала армии П. Н. Лашенко, в 1956 г. генерал-лейтенанта, командовавшего Особым корпусом советских войск в Венгрии [34]¹⁶. Лашенко и другой участвовавший в военной акции генерал, Г.И. Обатуров, обратились к М. С. Горбачеву с письмом, в котором выразили решительный протест против ревизии подхода к венгерским событиям как к «контрреволюционному путчу» [31]¹⁷. Преодолению в научном сознании сложившихся идеологических клише в некоторой мере способствовало ознакомление квалифицированного отечественного читателя с исследованиями зарубежных авторов благодаря реферативным изданиям ИНИОНа [37].

Выраженное помощником М. С. Горбачева А. С. Черняевым мнение о невмешательстве Москвы во внутренние венгерские дела, связанные с переоценкой событий 1956 г., не было единственным в среде советской партийно-государственной номенклатуры. Иной позиции придерживался председатель КГБ СССР В.А. Крючков (осенью 1956 г. служивший под началом Ю. В. Андропова третьим секретарем посольства СССР в Венгрии). Развернувшаяся в Венгрии кампания по пересмотру характера тех событий, по мнению Крюčkова, была направлена на «дискредитацию всего пути, пройденного ВСРП, подрыв авторитета партии и ее нынешнего руководства, разжигание недружественных Советскому Союзу настроений» [38, с.71]. Для того чтобы по возможности воспрепятствовать ее проведению, Крючков предлагал передать в распоряжение партаппарата ВСРП хранившиеся в архивах КГБ документы 1930-х годов, проливающие свет на неблагоприятную роль И. Надя как агента-осведомителя органов НКВД, якобы виновного в аресте и гибели некоторых венгерских коммунистов. Учитывая популярность И. Надя среди сторонников кардинальных реформ и превращение этого политика в своего рода символ сопротивления венгерского общества навязываемым ему извне формам правления, компрометация И. Надя могла стать орудием (насколько эффективным – это другой вопрос) контрреформаторских сил в ВСРП в их противоборстве со своими оппонентами. В.А. Крючков убедил членов Политбюро ЦК КПСС в том, что предложенный им шаг отвечает интересам СССР, поскольку ослабил бы политические и моральные позиции антисоветски настроенных сил в рядах активизировавшейся в 1989 г. и уже открыто претендовавшей на власть венгерской оппозиции. Документы были переданы в

14 По свидетельству В.А. Мусатова, мнение советских специалистов было изложено венгерской стороне в ходе межпартийных консультаций летом 1989 г.

15 Книга, писавшаяся во второй половине 1980-х годов, вышла только в 1991 г. (Отв. редактор Т.М. Исламов, автор глав по новейшей истории А.И. Пушкаш).

16 Представленную в этом источнике позицию были призваны подкрепить перепечатанные статьи маргинальных венгерских авторов: [35].

17 Такая позиция находила понимание и в «братских» партиях, чьи лидеры резонно опасались утраты власти вследствие развернувшихся в обществах этих стран демократических процессов: Хрущев «своими реформами вызвал 56-й год в Венгрии. А теперь вот Горбачев дестабилизирует социалистическое содружество», – говорил советским эмиссарам болгарский лидер Т. Живков [См.: 36, с. 137].

18 «Если ЦК ВСРП сочтет целесообразным создание комиссии для дополнительного выяснения деятельности И. Надя в период его жизни в СССР и обратится к нам, то с советской стороны будет сделано все необходимое для выяснения интересующих венгерскую сторону вопросов. Что касается оценок политической деятельности И. Надя,

Будапешт¹⁸, и первый секретарь ЦК ВСРП Карой Грос доложил партийному пленуму о раскрывшихся фактах, которые были весьма болезненно восприняты большинством партактива. Не только реформаторски настроенные председатель ЦК ВСРП Режё Ньерш и премьер-министр Миклош Немет, но и гораздо менее последовательный в этом отношении К. Грос, пришли к выводу о нецелесообразности обнародования полученных из Москвы документов, поскольку оно лишь подлило бы масла в огонь политического противостояния, но отнюдь не повлияло бы на происходящий пересмотр исторических оценок. В ЦК КПСС не давили, предоставив венграм право самим выносить оценки. Документы об И. Наде, о которых идет речь, не публиковались до 1993 г.

После последовавших осенью 1989 г. в ряде стран Восточной Европы революционных событий и падения режимов, не заинтересованных в пересмотре оценок политики СССР на восточноевропейском направлении, новая советская позиция невмешательства во внутренние дела стран региона (а значит и в ревизию прежних официальных оценок) звучала с еще большей однозначностью. На пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. М.С. Горбачев говорил: «Мы твердо встали на путь товарищеских отношений, невмешательства в дела наших братских партий, тем более стран. И это – путь правильный. Это – один из главных уроков нашей предшествующей деятельности, нашей истории, взаимоотношений с социалистическими братскими странами» [Цит. по стенограмме пленума: 39. Ф.2. Оп. 5. Д. 342. Л. 39 – 48]. Этому предшествовало опубликованное вскоре после «бархатной революции» в Чехословакии Заявление Советского правительства о пересмотре оцен-

ки ввода войск в эту страну в августе 1968 г. [15. 12. 1989]¹⁹.

Летом 1990 г., вскоре после парламентских выборов в Венгрии, завершившихся убедительной победой правоцентристской коалиции, комиссия по иностранным делам Госсобрания Венгерской республики обратилась в Верховный Совет СССР с требованием осудить действия СССР в октябре-ноябре 1956 г., но это обращение осталось тогда без ответа²⁰. Позже, в 1991 г., уже после августовского путча, в дни 35-летия венгерского восстания аналогичное по содержанию открытое письмо направила М. С. Горбачеву группа из 20 конгрессменов США, но президент СССР не торопился на него публично реагировать, исходя из того, что новое руководство страны, обладающее совсем иным политическим мышлением,

19 В нем отмечалось: «вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 г. не было обоснованным, а решение о нем в свете известных теперь фактов было ошибочным». В опубликованном тогда же совместном заявлении руководителей всех стран ОВД (включая Венгрию), принявших в августе 1968 г. участие в чехословацкой акции, также говорилось, что ввод войск в Чехословакию явился вмешательством во внутренние дела и должен быть осужден. См. записку Э.А. Шевардадзе и А.Н. Яковлева и соответствующее постановление Политбюро ЦК КПСС [39. Ф.3. Оп.103. Д.191. Л. 21, 112].

20 Следствием парламентского обращения явилось постановление Политбюро ЦК КПСС «Об изучении архивов ЦК КПСС, касающихся событий 1956 г. в Венгрии». В нем отмечалось, что переоценка в законодательном порядке характера событий и объявление дня их начала – 23 октября – национальным праздником «демонстрирует стремление новых венгерских властей сделать этот вопрос одним из центральных в своей политике смены общественно-политического строя в стране. Беспрецедентное по резкости обращение венгерского парламента к Верховному Совету СССР с требованием осудить тогдашнее советское военное вмешательство свидетельствует об их намерении использовать этот вопрос как средство давления на нас». В этих условиях решено было занять более наступательную позицию: «Необходимость новых аргументированных выступлений с нашей стороны по этой теме, в том числе с использованием материалов архива ЦК КПСС, представляется в свете этого очевидной». Работникам Международного отдела ЦК КПСС В.А. Мусатову, В.Д. Дорохину и Л.В. Николаеву было поручено ознакомиться с материалами архива ЦК КПСС, касающимися принятия решения о вводе войск и других аспектов венгерского кризиса, и подготовить соображения о соответствующих публикациях в журнале «Известия ЦК КПСС» [39. Ф. 89. Пер. 11. Док. 23]. Журнал этот после августа 1991 г., как и другие структуры КПСС, прекратил существование. По свидетельству В.А. Мусатова, из влиятельных лиц советского истеблишмента академик Г.А. Арбатов особенно настойчиво убеждал коллег в необходимости отреагировать на обращение венгров [31. Р. 11]. Позиция Г.А. Арбатова нашла отражение и в его книге: [40].

в том числе во время событий 1956 года, то, по нашему мнению, этот вопрос относится к компетенции ВСРП и венгерской исторической науки» (Текст указаний послу СССР в Будапеште в связи с обращением Р. Ньерша. Не позднее 18 сентября 1989 г. [39. Ф.3. Оп.103. Д.182. Л.69]. См. также постановление Политбюро ЦК КПСС «Об ответе на обращение Р. Ньерша». 18 сентября 1989. [39. Ф.3. Оп.103. Д.182. Л.12].

не считает ту давнюю акцию правильной и вместе с тем не несет ответственности за действия своих предшественников [31]²¹. Но на встрече в Москве с премьер-министром Венгрии Й. Анталом он все же осудил советское вмешательство [31]²². Это произошло в начале декабря 1991 г., за считанные дни до распада СССР и прекращения полномочий Горбачева.

Президент России Б.Н. Ельцин, посетив Венгрию в ноябре 1992 г., выступил 11 ноября с речью в Госсобрании Венгерской республики, ставшей одним из первых программных внешнеполитических документов посткоммунистической власти, касавшихся политики России на восточно-европейском направлении [Полностью опубликовано: 42]. Согласно оценке Ельцина и его команды, трагедия 1956 г. «навсегда останется несмываемым пятном» на советском режиме; «следы от гусениц танков, которые перепаживали улицы Будапешта, навечно отпечатались в душах тех, кому дороги идеалы свободы и демократии», а этих людей – большинство и в Венгрии, и в России. Действия СССР в Венгрии осенью 1956 г. были расценены как проявление тоталитаризма, который, как «любая тирания, никогда не замыкается рамками одной страны». Венгерское национальное восстание было поставлено в контекст тех исторических процессов, которые приве-

ли в конечном итоге к ликвидации власти КПСС. Отмежевываясь от «идеологии насилия» и соответствующей политической практики, президент РФ заверил венгерскую элиту в том, что новая Россия не унаследовала от СССР амбиций «старшего брата». В качестве жеста доброй воли венгерскому правительству была передана большая порция документов из российских архивов (в их отборе в соответствии с поручением тогдашнего главы российского архивного ведомства Р.Г. Пихои принимал участие и автор этих строк). Это позволило в последующие несколько лет осуществить качественный прорыв в изучении роли советского фактора в венгерских событиях 1956 г. [43].

Таким образом, коренной пересмотр характера венгерских событий 1956 г., сопровождавшийся признанием не только политической нецелесообразности, но и юридической незаконности советской военной акции по подавлению будапештского восстания, был закономерно предопределен процессами, происходившими в конце 1980-х – на рубеже 1990-х годов (кризис и последующий крах КПСС в роли монополярно правящей партии, распад советского блока и изменение характера отношений между СССР, затем Россией, и бывшими социалистическими странами Центральной и Юго-Восточной Европы).

²¹ Всё-таки 23 октября 1991 г. пресс-служба президента СССР М.С. Горбачева заявила, что советское вмешательство в Венгрии в 1956 г. противоречило международному праву [1. 24. 10. 1991].

²² В публикациях, относящихся к 1991 г., советские военные действия в Венгрии осенью 1956 г. уже все более трактовались не как интернациональная помощь, а как незаконная полицейская акция, направленная на сохранение существующего режима сталинистского типа, как неправомерное вмешательство СССР во внутренние дела Венгрии, подрывающее международный престиж СССР. Такая трактовка нашла отражение даже в довольно «консервативном», не склонном радикально порывать с советскими традициями «Военно-историческом журнале» (1991. № 10. С. 55), перешла в массовую и учебную литературу [41, с.130].

Литература

1. Декларация Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами // Правда. – 1956. – 20 ноября.
2. Долматовский Е.А. В Венгрии весной 1957 г. – М., 1957.
3. Захарченко В., Попов Ю., Стародуб А. Будапешт, октябрь-ноябрь 1956 г. О том, что мы видели своими глазами. – М., 1956.
4. Что произошло в Венгрии. Репортаж. – М., 1956.
5. Толкунов Л., Одинец М. Венгрия сегодня. – М., 1957.
6. О событиях в Венгрии. Факты и документы. – М., 1957 (Англоязычное издание, предназначенное для изложения официальной советской точки зрения перед зарубежной аудиторией: *The Truth about Hungary: Facts and Eyewitness Accounts*. Moscow, 1957).
7. Пристер Е. Венгерский репортаж. – М., 1957.
8. Штиби Г. Я пережил венгерские события. – М., 1957.
9. Штиби Г. Я видел Венгрию. – М., 1957.
10. «А вы сидите, как сурок, и о демократии говорите». Выступление Н.С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г. // Источник – 2003. – № 6.
11. Оттепель 1957-1959. Страницы русской советской литературы. – М., 1989.
12. Исраэлян В.Л., Николаев Н.Н. Из истории идеологической подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 года // Вопросы истории – 1957. – № 12.
13. Немеш Д. Ревизионизм и контрреволюция в Венгрии // Новая и новейшая история – 1958. – № 6.
14. История Венгрии. Т. 3. – М., 1972 (главу о консолидации кадаровского режима в 1956-1962 гг. писал В.А. Крючков, в 1956 г. третий секретарь посольства СССР в Венгрии, а в 1988-1991 гг. председатель КГБ СССР)
15. Безушко П.П. Контрреволюционные силы и строительство социализма в Венгрии. – М., 1971.
16. История внешней политики СССР. 1917 – 1976 гг. В 2 томах. 3-е, дополненное издание. Том 2. 1945 – 1976 гг. – М., 1977.
17. Всемирная история. В 13 томах. Том 12. – М., 1979.
18. Любичев А.А. О смысле и значении венгерской трагедии. / Предисловие и публ. М.Д. Голубовского // Знамя – 1991 – № 10.
19. Из дневников С.С. Дмитриева // Отечественная история. – 1999 – № 3-6; – 2000. – № 1 – 6.
20. Пустынцев Б. Что мы помним о Венгрии 1956 года? // Звезда – 2006 – № 10.
21. Стыкалин А.С. Венгерские события 1956 г. и советское общество // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сборник статей. Отв. ред-р Н.И. Басовская. – М., 2009.
22. 1956. Осень в Будапеште. Ред.-составитель Коркин В.Ф. – М., 1996.
23. «По данным агентуры и оперативной техники...» Справка КГБ СССР об академике Л.Д. Ландау. Публ. С.С. Илизарова при участии В.Ю. Афиани и др. // Исторический архив – 1993 – № 3.
24. Алексеев В. Венгрия, 56. Прорыв цепи. Предисловие В. Шейниса. – М., 1996.
25. В Политбюро ЦК КПСС. По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. – М., 2006.
26. История международных отношений и внешней политики СССР, 1917 – 1987 гг. В 3 томах. Том 2. 1945 – 1970 гг. / Под редакцией Г.В. Фокиева. – М., 1987.
27. Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории. – М., 1987.
28. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. – М., 1987.
29. Дюрко Л. 1956. Предварительное исследование и прагматическое изложение событий. Главы из книги // Иностранная литература – 1988 – № 7, 8.
30. Архив Горбачев-Фонда. Фонд Черняева. Док. 7403.
31. Muszátov V. Moszkva és 1956. Viték 1989-1990 között a Szovjetunióban // História. Bp. – 1997. – № 8.
32. Леонидов В. (псевдоним зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС В.Л. Мусатова). В поисках истины (о событиях в Венгрии в 1956 г.) // Новое время – 1989 – № 24.
33. Поиск истины продолжается. Что происходило в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г. Круглый стол // Новое время – 1989 – № 27.
34. Лашенко П.Н. Венгрия, 1956 год // Военно-исторический журнал – 1989 – № 9.
35. Фориж Й. О контрреволюции в Венгрии // Военно-исторический журнал – 1990 – № 8.

36. В Политбюро ЦК КПСС... По записям А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991). Издание 2-е, дополненное. – М., 2008.
37. Политическая история стран Восточной Европы после 1945 г. в зарубежных исследованиях – М., 1991.
38. Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник – 1993. – № 1.
39. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
40. Арбатов Г. Моя эпоха в лицах и событиях. Автобиография на фоне исторических событий. – М., 2008.
41. Очерки истории XX века. – М., 1991. Часть 2.
42. Звезда – 1996 – № 10.
43. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. – М., 1998.

УДК 940.1 (450)

Е. П. Тельменко**«ПРИМИ ЛИШЬ ВЕРУ И ПРОСТО В ЭТО ПОВЕРЬ»**

Один из ведущих политических и культурных центров Италии эпохи Возрождения – г. Флоренция в к. XV в. стал полем реформаторской деятельности доминиканского монаха Джироламо Савонаролы. Основным средством коммуникации и методом воздействия на паству являлись про-

поведи доминиканца. Статья посвящена анализу специфики репрезентации античного наследия в публичных выступлениях Джироламо.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, античная философия, репрезентация, паства.

E. P. Telmenko**«JUST ACCEPT FAITH AND JUST BELIEVE IT»**

One of the leading political and cultural centers of Renaissance Italy was the city of Florence at the end of the XV-th century. It became a field for reform activities of a Dominican monk Girolamo Savonarola. Dominican's preaching was a primary means of communication and a way of influence on

the congregation. The article is devoted to the analysis of the specifics of the ancient heritage representation in Girolamo's public speeches.

Key words: Florence, Girolamo Savonarola, ancient philosophy, representation, congregation.

В 90-е годы XV в. духовным лидером и главным действующим лицом в жизни г. Флоренции стал доминиканец Джироламо Савонарола. Проповеди этого монаха привлекали как простых горожан – мужчин, женщин, детей, в огромном количестве стекавшихся на его выступления, так и представителей интеллектуальной элиты города на Арно.

В целом, проповеди фра Джироламо соответствовали той парадигме, которая сложилась среди нищенствующих братьев,

и была общей для итальянских проповедников позднего средневековья. В своих выступлениях они излагали основы христианского учения, предлагали надлежащие модели благочестия, постоянно призывая к исповеди и покаянию. Проповеди произносились на народном языке (volgare), в текст периодически включались латинские цитаты, которые помещались в соответствующий контекст и непременно объяснялись. Для разъяснения сложных вопросов исполь-